

В начале века

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

В начале века В НАЧАЛЕ ВЕКА

В начале XX века в Туркмении побывал ряд крупнейших музыкальных этнографов и исследователей. Ценные записи были сделаны известным исследователем В.Н.Гартевальдом. Итогом его экспедиций были различные публикации, а также ценные фонозаписи, получившие известность во многих европейских странах.

Его книга «Среди сыпучих песков и обрубленных голов» (Путевые очерки Туркестана 1913 г.) издана в Москве в 1914 году в издательстве И.А.Маевского.

Автор свой скромный труд посвящает В.Г.Короленко в знак почитания и признательности. Книга разделена по главам: «От Москвы до Асхабада», «Ковры, песни и сказки у текинцев», «Байрам-Али и старый Мерв» и т.д. название парохода, на котором он собирался переплыть Каспийское море, отдавало поэзией. Имя его было «Дуэль».

Путешественник в Красноводске. Он описывает город так: «Красноводск – главный город уезда и в нем, конечно, уездный начальник. Растительности почти никакой не имеется, и город беден питьевой водой. Всю резиденцию господина уездного начальника, имеющего всего семь тысяч жителей, можно обойти в полчаса, и в течении этого времени вы интересного ровно ничего не увидите.

Красноводск, несомненно, имеет большую будущность, ибо транзитная торговля уже и теперь огромна. Ведь через Красноводск идут все товары...».

На обратном пути к вокзалу он зашел в городской сад, где какой-то красноводский гражданин с гордостью показал ему пять чахлах деревьев и фонтан, по размерам напоминающий комнатный аквариум.

Правда, при отсутствии в городе воды и такой фонтан является роскошью и в угоду гордому красноводцу он выразил массу

удивления и восхищения.

В час дня наконец ушел на Асхабад поезд Средне Азиатской железной дороги и он очутился в вагоне второго класса. Войдя в него, он прямо-таки остолбенел: температура стояла такая, какая бывает лишь в хорошо натопленной бане.

Пассажиры ругались без разбора пола и состояния, но кондуктор заявил просто и ясно, что «во время зимнего движения по российским железным дорогам топить полагается».

Гартевальд дальше описывает «Картина пути от Красноводска до Асхабада представляет собой песчаную, однообразную и мертвую пустыню. И почти до самого Асхабада продолжался этот пустынный ужас. Вода. В этом слове для Туркестана все: и радость, и горе, и отчаяние, и надежда. И туркмены могут сказать «Земля наша велика и обильна, воды в ней нет».

Работа по ирригации от Красноводска Асхабада почти совершенно не производится, да и почва здесь, как я уже упомянул выше, безнадежна.

Я глубоко пожалел, что поезд остановился в Геок-Тепе ночью, да и то ненадолго. Но, тем не менее я, конечно вышел из вагона и осмотрел все, что мог.

Около самой станции Геок-Тепе находится богато обставленный музей, в котором хранится масса исторический предметов, рисунков, документов...

Немного странное впечатление производит снаружи само здание, так как оно построено не в русском, не в туркменском стиле, а в греческом...».

Утром, в шесть часов, он был в Асхабаде. Остановился в «Гранд Отеле», который считался лучшей гостиницей в городе. В Асхабаде Гартевальд прожил около двух недель (от рождества до половины января) и за это время, конечно, более или менее основательно с ним познакомился. В нем находились все отделы областного управления. Управление Средне – Азиатской железной дороги, окружной суд, отделение Госбанка, таможня, казначейство, имеется женская гимназия, мужская прогимназия. Техническое училище, Куропаткинская школа садоводства, воскресные школы, цирковно-приходская школа.

■ По станциям путевых очерков

«Асхабад является одним из рассадников ужасной и характерной для Закаспийской области болезни.

Я говорю о «пендической язве», по-местному «пашахурда». Она впервые была обнаружена в Пендинском приставстве и отсюда получило название «пендинки». Болезнь это поражает кого угодно без различия возраста, Пола и состояния. Истинная причина заболеваемости пендинкой еще не найдено и радикального лекарства также не открыто.

Прямо жалко иной раз видеть молодую, миловидную девушку. Лицо которой изуродовано пендинными рубцами.

Я – не «лошадник», и отношусь довольно равнодушно к лошадям, но должен сознаться, что я никогда не видал и даже не предполагал о возможности существования лошадей такой красоты, какой увидел в асхабадской конюшне.

Что ни лошадь-то поэма. Конюшня имеет около 60 денников и содержится великолепно, не смотря на то, что субсидий от правительства не имеет. Цель этой конюшни заключается в том, чтобы путем скрещивания пород спасти текинскую лошадь от вымирания...»

И вот третьего января 1913 года в три часа дня полковник заехал за ним вместе с туркменским переводчиком. В своем мундире туркменской милиции он так и просился в картину.

Они выехали из города в степь. Растительности кругом почти никакой. Всё ближе и ближе придвигались к ним в горы. Окружающие Асхабад, а у подножия этих гор и лежал большой аул Кеши – цель их поездки.

Он состоял из множества довольно просторных и прочно устроенных куполообразных юрт или как здесь их называют кибиток, а кругом всего аула тянулась невысокая глиняная стена.

Подъехав ближе, они услышали лай собак, и при въезде в самый аул подверглись свирепому нападению штук 40-50 огромных, невероятно зверского вида псов.

Они в гостях у старшины аула. В двух огромных мисках принесли плов из риса, баранины и курицы. Вокруг одной из них уселись

хозяева, а около другой – они.

По окончании трапезы Гартевальд записал несколько мотивов из туркменских музыкантов старшина повел их другую свою половину (женскую). В одной из следующих кибиток Гартевальд увидел молодую и (он глазам своим не верил). Довольно милovidную девушку, трудившуюся над ковром.

При обходе аула их сопровождало толпа, для которой они представляли интерес.

12 января 1913 года он выехал из Асхабада рано утром прямо в Байрам-Али, минуя Мерв.

Карантин в Мерве (по случаю чумы) был только снят.

«Туркмены любят и хорошо относятся к своим верблюдам. Они украшают их разными лентами и побрякушками, и я никогда не видел, чтобы туркмен ударил животных».

Для археолога развалины древнего Мерва должны давать огромное поле для работ одним только историческим событиям, но как мне передавали старожилы в Байрам-Али, о русских археологах, посетивших развалины Мерва, не слышали. Пройдя через старинные ворота за стену древнего Мерва, я убедился лично, что пора археологу заехать сюда, пока не будет поздно. Дело в том, что внутренность развалин обращена в место для свалки мусора. Да, кроме того, при мне какие-то люди приехали сюда с телегой и преспокойно начали ломать стену, увозили массу камней (по всей вероятности для шоссейных дорог).

И таким образом, дело по разрушению старого Мерва продолжается также успешно (но с меньшим риском), как и при великом Македонском герое.

Господа археологи!

Господа этнографы!

Ау!

Где вы?

А. Чуриев.

«Знамя труда» 31.08.1984 год. Taryhy makalalar